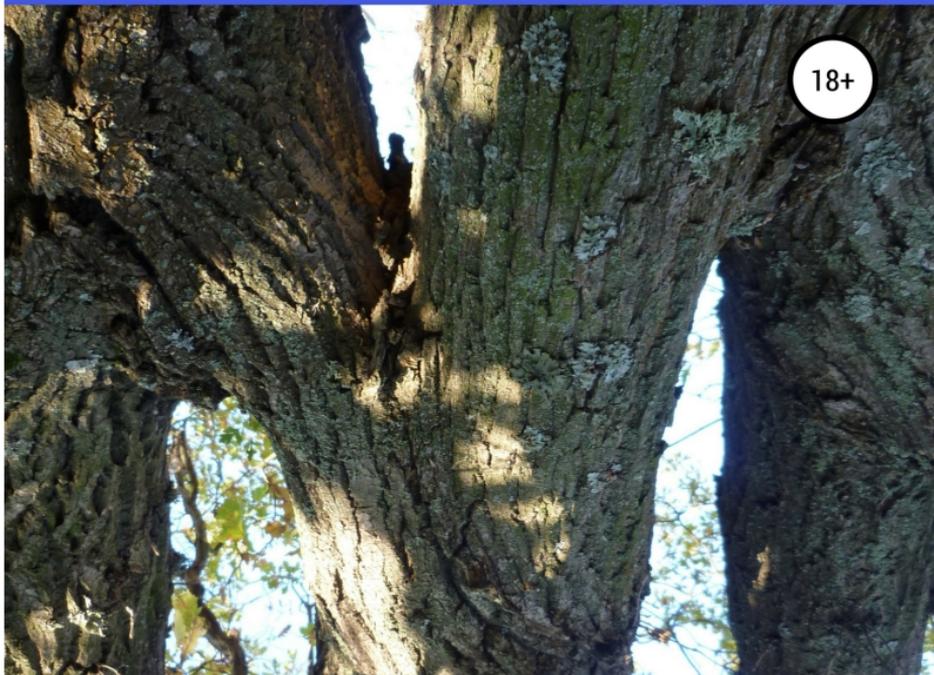

Валерий Федоренко

Карагач

Часть 1
Свой среди чужих

Валерий Федоренко Карагач. Часть 1. Свой среди чужих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12954400

SelfPub; 2019

Аннотация

Весь мир, вернее миры доступные нашему восприятию, состоит из слоев. В каждом слое живут свои ребята. В принципе если брать физику, химию и биологию они практически схожи друг с другом, но отличия все же есть. Эти слои, как в пироге, местами слипаются, продавив проложенный между ними крем. И в этих местах находятся переходы из одного слоя в другой.

Федоренко Валерий

Карагач

Часть 1. Свой среди чужих

Возвращаясь домой, я по привычке зашел в магазин, без особого энтузиазма походил между рядами переполненных полок. Задержавшись в вино-водочном отделе, долго не мог решить, что я хочу, взять коньячку и посмаковать дома, коньячку и колы и убиться пузырьками, водки или пива? От выбора в этом отделе зависел выбор ассортимента на продуктовых полках. Есть не хотелось, как, впрочем, и закусывать. Домой идти минут пятнадцать, а изнасилованный начальником мозг отчаянно просил анестезии. Взяв пять бутылок пива, пластиковую банку нарезанной селедки, хлеб и пару пачек полосатика вернулся в вино-водочный и положил в корзину 0,25 Прасковейского и две банки коллы.

Выйдя из магазина, я открыл пиво, закурил сигарету, и быстро перебежав через дорогу, не торопясь пошел через парк. Уже после двух первых хороших глотков, проблемы, насиловавшие мой мозг, начали отпускать и уходить на задний план. Причем назвать это действием алкоголя было нельзя, скорей предвкушение скорого понимания мной мелочности всех проблем, действовало на меня гораздо лучше и быстрее.

Дойдя до середины парка, я уже беззаботно рассматривал нависающие над аллеей густые зеленые лапы деревьев, выхваченные ярким светом невысоких фонарей. Этот парк я знал, как свои пять пальцев. Все детство проходил через него в школу и обратно, пять лет к метро по дороге в институт и назад, и вот уже почти четыре года через него проходила дорога на мою работу.

Неожиданно вспомнилась старая детская забава, пройти как можно дольше с закрытыми глазами и четко вписаться в очередной изгиб аллеи. Причем идя с закрытыми глазами, я умудрялся настолько четко рисовать в воображении окружающую обстановку, что мне даже казалось я видел ее в цветном изображении и мог пройти довольно далеко, попадая в изгибы дорожки, пока не натыкался на возмущенного пешехода или спотыкался о бордюр аллеи.

Рассматривая ветви деревьев, я обратил внимание на то, что уже давно не смотрю под ноги. Мельком взглянув на два ближайших изгиба, закрыл глаза и, сохранив перед собой изображение, продолжил движение по виртуальной картинке. В первый поворот я вписался легко, что означало довольно четкое совпадение моей виртуальной и реальной картинок. Подходя к предполагаемому второму изгибу аллеи, вдруг появилась какая-то внутренняя настороженность, вызванная не столько боязнью, что я сбился с пути, сколько ощущением надвигающейся опасности.

Не успел я сбавить шаг, как откуда-то справа на меня

обрушился взъерошенный белобрысый парень лет двадцати пяти и, выбив у меня бутылку с пивом, застыл на месте в неестественной позе, касаясь земли лишь самым кончиком носка правого ботинка.

Отлетев в сторону, но не упав, я быстро засеменял по траве ногами, пытаясь не уронить пакет с покупками. Наконец обретя равновесие, я молча уставился на белобрысого, практически весящего в воздухе в окружении ели заметного прозрачного марева. Но больше всего меня поразила висевшая рядом с ним бутылка пива, выбитая у меня из рук.

– Как это? – пробормотал я, подходя ближе по дуге.

Немного с опаской протянул руку и дотронулся всей пятерней до бутылки.

– Не трогай его! – донесся до меня громкий крик откуда-то из-за спины.

От неожиданности я резко отдернул руку, моментально развернулся к незнакомцу, тыча в его сторону шипящей и выплескивающей пену бутылкой.

– Так, и что мы тут имеем, – сказал уже спокойным голосом подходящий ближе полицейский.

– Нападение на стражей порядка, товарищ лейтенант, при исполнении, – ухмылялся идущий следом сержант.

– Ты кто, – спросил лейтенант.

Ошалело переводя глаза с полицейских на белобрысого, застывшего в мареве, и обратно на них, и не понимая, почему их не удивляет неестественная поза бедняги, я с трудом

понимал, чего от меня хотят.

– Ты кто! – уже громче спросил лейтенант.

– Я Сергей ... Сергей Карагач.

– Казахстанский? – удивленно посмотрел на меня лейтенант.

– Да нет, Анатоьевич я.

Полицейские переглянулись, лейтенант взял меня за локоть, аккуратно подвел к урне возле лавочки и указал на нее взглядом. Я послушно выбросил тару.

– А теперь, – безапелляционным тоном сказал он, – открой глаза и очень быстро иди домой, – и, покосившись на мой пакет, добавил, – коньяк с колой лучше не трогай, будешь болеть.

До меня только сейчас дошло, что у меня до сих пор были закрыты глаза. Медленно открывая глаза, я подумал: «вот открываю, никого возле меня нет, только сидит на лавочке дурка и плачет по мне». Несколько секунд глаза привыкали к яркому свету фонарей, как будто я все это время созерцал только темноту. Вот на аллее проявился улыбчивый сержант, лейтенант, держащий меня за локоть, только белобрысый не весел в мареве, а тихонько лежал на тротуарной плитке.

Через двадцать минут я сидел на диване дома, передо мной стояли четыре пустые бутылки, и я намеревался не воспользоваться предостережением лейтенанта.

Проснулся я тяжело, с закрытыми глазами. Это когда мозг уже понимает, что ты не спишь, а сил открыть глаза не хватает. Даже не сил, а силы воли, так как знаешь, что от подобного действия не получишь никаких, даже нормальных, не говоря уже о хороших ощущениях. Но игнорировать открытие глаз не позволял подлый мочевой пузырь.

Приоткрыв маленькие щелки, ровно на столько, что можно видеть только очертания девятиметровой гостинки я тяжело встал. Поймав равновесие с нужным наклоном в сторону коридорчика, который в гостинках служил и кухней, сделал неуверенные два шага и, не включая свет, ввалился в туалет.

Промахнутся в туалете гениального изобретения советских архитекторов «Гостинка» мимо унитаза невозможно, так как там помещается только он и две ноги. Усевшись, хотя в моем случае такой надобности не было, я обхватил голову руками и издал протяжный звук, что-то между «о» и «у».

– Хреново? – услышал я слева от меня.

– Да, – протянул я, и тут же посмотрел влево на сидящего за маленьким кухонным столиком мужика в спортивном костюме.

От неожиданности я чуть не сходил не только по-маленькому. Глаза, открытые слишком быстро, и впустившие невыносимую порцию дневного света, подло заслезились. Нелепо моргая и смахнув рукой брызнувшие слезы, я спросил, – ты

кто мужик?

– Дуб, – он ухмыльнулся, – Алексей Дуб, – потом хмыкнул и добавил, – Сергеевич.

– Ты как сюда попал?

– Через дверь, – невозмутимо ответил он, – она была открыта.

В моей голове быстро замелькали картинки вчерашнего вечера. Пришел домой, закрыл дверь. Закрыл!!! Потом пиво, пиво, немного коньяка, кола. Потом пиво или коньяк? Про что там была передача? А к Люське я за чем поперся? И че там делал? А дверь потом закрыл?

– Так, Карагач, кончай выпендриваться, если ты закончил, – он махнул в мою сторону, – идем в комнату поговорим.

Незнакомый спортсмен резко встал и прошел в комнату. Только теперь до меня дошло, где я нахожусь и в каком виде. Я быстро поднялся, натянул трусы. Немного пошатнувшись, сделал пару шагов к кухонному крану, несколько жадных глотков воды, быстро зашел в комнату. Незнакомец сидел за столом возле окна. Я подошел к дивану и, не рассчитав, громко плюхнулся на него.

– Теперь ты мне расскажи Карагач! Как ты попал сюда? – он немного помедлил и добавил. – Вас тут уже лет девяносто никто не видел.

– Что за бред! – случайно крикнул я мысли вслух и осекся, уж больно спортивного вида был Алексей.

– Сергей! Без резких движений. И не вздумай уходить на

ту сторону. Держи глаза открытыми, я не один! – напрягшись и привставая, произнес Дуб.

И в этот момент я смутно начал вспоминать обстоятельства прошлого вечера. Аллея, белобрысый, сержант. Ну конечно!

– Лейтенант? – прищуриль глаза на Дуба спросил я.

Лейтенант явно был удивлен моему искреннему озарению и немного расслабившись, сел на стул.

– Так Карагач, нам надо серьезно поговорить, – сказал лейтенант, доставая из сумки, висевшей у него на плече, и протягивая мне бутылку лимонада «Груша», – я же предупредал вчера, – промямлил он, – будет мало, добавим из фондов. Но на многое не надейся, запасов мало, а пополнения почти нет.

Я взял протянутую мне бутылку, ничего не понимая из последней его фразы. Пить мне действительно очень хотелось, да и «Грушу» я любил. Сделав по привычке две не увенчавшихся успехом попытки открыть ее, вращая пробку против часовой стрелки, я увидел вопросительный взгляд лейтенанта. Я сам не знаю почему, в очередной раз, провернул пробку в обратном направлении. Бутылка издала привычный пшшшш и открылась, чем очень сильно удивила Дуба. Сделав два три огромных глотка лимонада, кстати, на вкус он был именно тот, я оторвался и выпалил типа кхаааааа, и сразу не сдержал жирную отрыжку, чем поверг Алексея в полнейший ступор.

– Ты что творишь? – выходя из ступора, вскрикнул Алексей и забрал тару, поставленную мною на стол.

Он взял пробку, закрыл бутылку, почему-то вращая её по часовой стрелке, хотя я был уверен, что именно так я её и открывал, и отставил в дальний конец стола. Больше всего меня удивило то что, на мой взгляд, жидкости почти не уменьшилось, хотя глотки я сделал как те ребята, выпивающие кружку пива залпом.

– Так Карагач, – уже раздраженным тоном сказал лейтенант, – демонстрацию силы я оценил. Я уже понял, что ты пришел упакованный. Не буду врать, на тебя мы вышли случайно, тут тебе не повезло. Дом обложен по эту и ту сторону. Любые твои неадекватные действия будут приняты как враждебные, и после тунгусских соглашений, мы имеем право на применение любых воздействий. Еще раз спрашиваю, ты откуда взялся.

– Да что происходит, – взмолился я, – как откуда взялся. От мамы и папы, наверное. Из детдома я, вон за углом стоит. Шел с работы вчера, детскую забаву вспомнил вот глаза и закрыл, споткнулся об вашего белобрысого. Да не трогал я его, первый раз видел. Чего вы от меня хотите, – и, понизив голос, ели слышно проямлил, – фокусы какие-то с бутылками показываете.

– Ты, когда последний раз был в Казахстане, – неуверенно спросил Алексей.

– Да не был я никогда в Казахстане, я за всю жизнь за

пределы области не выезжал.

Алексей прищурился и внимательно посмотрел на меня. Закрыв глаза секунд на двадцать, при этом глаза под веками двигались так, как будто он рассматривает меня. Открыв глаза, и не отрывая от меня взгляда, достал телефон, нажал пару кнопок.

– Сергей Васильевич, – глядя на меня сказал он, – у нас тут, похоже, Казахстанский подкидыш, – помолчал, – сильный, – еще пауза, – нет, не знает.

Дуб внимательно слушал еще секунд тридцать. Потом выключил телефон, положил его в карман, немного помолчал, и сказал: «Сергей собирайся, поедешь со мной, и не о чем меня не спрашивай, там тебе все объяснят».

Перебирая в голове все возможные законы, которые я мог нарушить за вчерашний день, я реально понимал, что кроме распития пива и курения в общественном месте, в парке, я больше ничего не нарушил. Но это, не повод прислать наряд в мою квартиру и окружить весь дом, как он там сказал: «по ту и эту сторону».

На улице нас ждал темно серый УАЗ Патриот. Алексей открыл заднюю дверь и пропустил меня, усевшись рядом, он махнул водителю: «В контору, Коля». Мой вчерашний знакомый сержант, завел машину, не спеша выехал на улицу и направил УАЗ в сторону Машиностроителей.

– Так, отделение полиции № 1 Ленинского района города Челябинска, – подумал я, – знаем, бывали.

В машине стояла гробовая тишина, вчерашний веселый сержант, сегодня был серьезен и молчалив. Он даже не поздоровался в ответ на мое приветствие, да и лейтенанту ничего не ответил, просто гrrrrr и вперед. Тем временем мы лихо проскочили поворот на Нахимова.

– Опаньки, не первое отделение, – подумал я и с удивлением посмотрел на Алексея.

Проскочив еще несколько перекрестков, мы свернули на улицу Василевского. Лейтенант сосредоточенно смотрел на дорогу, не обращая внимание на то, как я начал ерзать на месте и озираться по сторонам.

Тут в начале улицы был частный сектор и, глядя за окна УАЗа, создавалось впечатление, что мы покидаем приделы города. Но, ни это меня насторожило. Брат моей очередной подружки работал в ОМОН, или как там сейчас ОПОН (Отряд Полиции Особого Назначения). Так вот от него я знал, что их кантора находится где-то посередине улицы Василевского.

Так и есть, через пару минут мы подъехали к невысокому зданию, которое торцом выходило на улицу. Невзрачный торец был весь покрыт серой, местами облупившейся, штукатурной шубой. Единственное зарешеченное окно было рядом с металлической дверью, покрытой серой молотковой эмалью. Над входом нависал неестественно длинный, практически на весь торец здания, бетонный козырек. Примыкая к левому углу здания, метров на триста вдоль улицы тянул-

ся двухметровый бетонный забор с притороченными сверху металлическими трубами и натянутой колючей проволокой. Где-то посередине, ярким синим пятном, выделялись большие автоматические ворота.

– Попал! – промелькнуло у меня в голове.

Сержант выскочил первым, оббежал машину и открыл мне дверь. Я вышел, за мной Алексей. Почему-то Николай не пошел прямо к входу, а подошел к стене в трех метрах правее двери. Я шел за ним, рассматривая сидевших на лавочке, стоявшей возле стены по левую сторону от входа, полицейских. Ни один из них даже не повернул голову в нашу сторону. Николай остановился, я тоже. И вдруг меня за локоть взял Дуб. Я вздрогнул и посмотрел на него.

– Заходим, – кивнув вперед, сказал он.

– Ку, – начал говорить я, поворачивая голову в сторону здания, и осекся.

Перед нами была большая деревянная дверь с облупившимся лаком по краям и возле массивной латунной ручки. Не знаю, почему, но в голове промелькнула дурацкая мысль: «Теперь несуразно длинный бетонный козырек над входом выглядит логичней». Не обращая внимания на мой ошалелый взгляд, меня под ручку повели через открывшийся длинный коридор с комнатами, расположенными только справа, левая стена была глухой. Дойдя до предпоследней двери, мы остановились. Сержант постучал.

– Заходите, – после небольшой паузы послышалось из-за

двери.

Дуб, заводя меня за локоть в дверь, заглянул лишь наполовину.

– Мы у себя, Сергей Васильевич? – спросил он.

– Да Леша, конечно.

Кабинет начальника был как в старых советских фильмах. Большая прямоугольная комната, с двумя огромными окнами на противоположной от двери стене и высокими потолками. Вдоль стены с окнами стояли вряд штук двадцать деревянных стульев. Темно серые шторы были распахнуты. Все стены, до потолка, были покрыты деревянными панелями в тон входной и, находящейся за спиной хозяина кабинета, дверей. В глубине кабинета стоял массивный, т-образный, стол. Во главе стола располагалось большое кожаное кресло черного цвета, и пятнадцать деревянных стульев, с высокими спинками, вокруг стола для посетителей.

Немного не вписывался в общую картину шкаф. У него была одна большая деревянная дверь и две стеклянные. За стеклянными дверцами, на полочках, стояло несколько кубков, штук пять папок и, на нижней полке, большой чайный сервиз. На столе, перед Сергей Васильевичем, лежал резиновый коврик с деревянной окантовкой, никогда не знал, как эта штука называется, и еще несколько канцелярских при-бамбасов.

Из современной техники, на столе стоял лишь навороченный телефонный аппарат с несколькими зелеными огонька-

ми, горевшими на нем. На столе для заседаний стоял поднос с сахарницей, две ложечки и полный прозрачный кофейник.

– Здравствуй Сергей, – вставая и направляясь ко мне, сказал хозяин кабинета.

Он был среднего роста, на вид под пятьдесят, не застегнутый пиджак серого костюма давал возможность разглядеть его, довольно тучную, фигуру. Внимательный, но доброжелательный взгляд, голова бритая, верней не бритая, а двухнедельная щетина седоватых волос.

– Здравствуйте Сергей Васильевич, – сказал я, отвечая на его крепкое рукопожатие.

– Можно без официоза, просто Васильевич.

Я, немного расслабившись, ухмыльнулся и пошел за ним к столу.

– Да, Сереж, возьми в шкафу, пожалуйста, пару чашек.

Я повернул в сторону шкафа, подошел и подергал за маленькую серебристую ручку стеклянной дверцы.

– Здесь закрыто, – сказал оборачиваясь.

Васильевич стоял рядом и внимательно смотрел на мои движения.

– Извини Сергей, я просто хотел еще раз убедиться.

Он подошел к шкафу и протянул две руки к стоящим на полочке чашкам так, как будто стекла, закрывающего их, нет, взял и спокойно пошел за стол. Я, уже сильно уставший удивляться фокусам, виденным за сегодняшний день, осторожно постучал по стеклу костяшкой пальца.

– Нам с тобой о многом надо поговорить, – сказал он, наливая кофе в обе чашки. Кинул себе пару кусочков сахара, взял ложечку и пошел к своему креслу.

– Да ты присаживайся, бери кофе, разговор предстоит длинный. Для начала можешь спросить, о чем хочешь, расскажу все, что мы знаем, а о том, чего не знаем, как мы это себе представляем.

– Да вопросов много, вон хотя бы чашки, – я махнул рукой в сторону шкафа и присел за стол, поближе к нему.

– Сергей, насколько я знаю, ты сам инженер, окончил технический институт, физика, химия, электротехника и так далее. Во всяком случае, в этом, хоть и поверхностно, разбираешься. Так вот сначала попробую объяснить, а потом покажу.

Сергей Васильевич отхлебнул немного кофе и достал из стола пачку сигарет.

– Закуривай, предложил он, – пододвигая ко мне массивную бронзовую пепельницу и протягивая сигареты.

– Спасибо я свои.

– Так вот. Наверняка в институте вам пытались растолковать, что такое квантовая механика и откуда она взялась.

– Угу, – промычал я и уставился тупым взглядом на Васильевича, пытаюсь вспомнить, что это вообще за хрень.

– Ну, даже если на уровне угу, – передразнил он, заметив мое замешательство, и продолжил, – это не важно. Согласно этой науке, скажем так, частица в микромире может прояв-

лять свойства электромагнитных волн. Или скажем, свет, это не электромагнитное излучение, воспринимаемое человеческим глазом, а поток фотонов, которые проявляют свойства электромагнитных волн.

Он посмотрел на мой сморщенный лоб и улыбнулся.

– У нас концепция другая, может она и неправильная, да и я не профессор, чтобы привести научные доводы наших ученых, но в целом она выглядит так. Все в мире, в нашем и в других слоях, состоит из чистой энергии, будем пользоваться этим термином так как нам он привычен.

Так вот этот первоисточник, концентрируясь при определенных условиях, обретает устойчивость, и создает элементарные частицы. Свойства этих частиц формируются в зависимости от тех условий, при которых они были сформированы из чистой энергии, но при этом частицы все равно остаются клубком энергии, который при желании можно размотать.

Вопрос о том, кто и как взбудоражил бескрайние поля энергии, заставив их сжиматься, растягиваться, или не знаю, что, оставим на откуп религии. Ну а дальше как у всех, один клубок или несколько; ядро, другой клубок электрон, третий протон. Потом таблица Менделеева, химия, клетки, обезьяна, мы. Это, скажем так, базовая теория. Пока понятно? – Спросил он, раскуривая сигарету.

– Ну, в целом, да, – сказал и подумал: «, наверное, я не в сегодня, а еще во вчера и сижу в парке на лавочке в обнимку

с той, которая по мне плакала».

– Так вот. Самое главное. Все наши действия и мысли, в конечном счете, это изменение местоположения сгустков чистой энергии из которой состоим мы, относительно сгустков, из которых состоит окружающий мир. В основной массе, люди и все животные, имеют возможность управлять мыслью, а если точнее чистой энергией в такой своеобразной форме, только клубками энергии, из которых состоят сами. Но встречаются и такие как мы, имеющие возможность разматывать клубки.

– Мы? – спросил я, чуть не уронив, дотлевшую до пальцев сигарету.

– Да мы Сережа, ты не такой как все, и я думаю, тебе это понравится.

– Самое главное, что ты должен понять сразу, это то, что ты думаешь не мозгом. Мозг – это механизм управления, как педали автомобиля и система круиз контроля. Он выполняет команды внешнего источника и некоторые программы, заложенные в нем.

Ты, наверное, слышал про понятие ауры. Как точно подметили обыкновенные люди: «невидимое глазом излучение, окружающее живое тело, цветовая характеристика энергетического поля и его слои». Некоторые из них, кстати, могут видеть это. Но они не понимают, что видят первоисточник, именно те узлы и клубки чистой энергии, которые управляют, думают, страдают.

Именно эта энергия является наездником и строителем человеческого тела. Даже в утробе матери, соединившись с вихрем от отца, сначала возникает эта сила, а уж затем она начинает закручивать первые клубки чистой энергии нового человека.

Васильевич встал и подошел к подносу с кофе. Налил полную чашку, положил два кусочка сахара и посмотрел на меня.

– А может чего покрепче, – спросил он.

– Да уж, без пол литры тут не разберешься, – попытался пошутить я.

– Ну так за чем дело стало, принеси со шкафа виски и стаканы, – он посмотрел на меня, – да не ерзай, стекол там нет.

Вообще-то я замешкался не из-за стекол, которых, вроде как уже нет. Я точно помнил, что в шкафу не было ни виски, ни стаканов. Но понимая точно, что на этом сегодняшние чудеса не закончатся, уверенно встал и пошел.

На нижней полке действительно оказалось два широких стакана. Они стояли чуть в стороне от сервиза. Ну положим их я мог не заметить, но на полке выше, прямо возле кубков стояла литровая бутылка Балантайнс. Ладно. Я протянул правую руку и взял стаканы с указательным пальцем посередине. Одновременно левой рукой я достал виски с полки выше.

И когда начал вынимать обе руки из шкафа, краем гла-

за я уловил слабый отблеск идеально чистого стекла дверец. Проследив по этому отблеску, увидел свои руки, застывшие в стекле. Неуклюже дернув всем телом на себя, я вырвал из вражеского логова вожделенную бутылку с посудой, осыпаемый миллионом маленьких стекол.

Неуклюже завалившись на спину посреди кабинета, я стойко держал хрусталь и емкость над полом. Как можно быстрее, заерзав всеми частями тела, встал. Подошел к столу и поставил трофеи.

– Не упал, – пронеслась в мозгу дурацкая фраза из мультика про Ростовского Алешу.

– Ну почти, – сказал Васильевич, спокойно откупорив виски и разливая его по стаканам.

– Что это было, – спросил я.

– Как, что, твое первое знакомство с твоей силой.

– Да какой, на хрен, силой, чуть все руки не ободрал.

– Карагач ты Маг, и Маг по рождению. Да, тебя бросили. Но, даже я, не знаю почему. Верней, знаю, но как, не могу понять. Но об этом потом.

Он подал мне стакан и пошел за свой стол.

– Ты, наверное, знаешь предположение, что мозг человека работает не на все сто. Вот в этом люди сильно ошибаются. Львиная доля человеческого механизма управления выполняет намертво защиту в ней программу по контролю взаимодействия, вернее отсутствия взаимодействия, сжиженной энергии из которой состоит он и сгустков внешнего мира. У

нас, дорогой, эта программа не работает.

Васильевич отхлебнул виски и развел руками.

– Ну как тебе объяснить. Ты в компьютерах разбираешься.

– В принципе, да, я довольно продвинутый пользователь.

– Так вот если провести аналогию у них в голове работает

Windows, и с помощью него, своей внешней энергией, они управляются с телом. Нажатием на виртуальные кнопки открывают и закрывают окна, двигают их стрелочкой, прокручивают содержимое с помощью колесика мышки. При этом искренне не понимая, что там за системные файлы занимают большую часть их мозга, и думают, что эта часть не работает. Хотя на самом деле именно эта часть находится в постоянном движении.

Мы же, не имея такой продвинутой операционной системы и давим на педали мозга через DOS, а некоторые, такие как ты, вообще машинными кодами, имея, при определенных знаниях и умениях гораздо больше возможностей чем пользователь Windows. Но, и как сам понимаешь, расплата за такую мобильность, несоизмеримо большие энергетические затраты. По сути ты можешь почти все, но должен контролировать свои силы и не переступать за грань, после которой у тебя не хватит энергии для поддержания стабильности клубков из которых ты сделан сам.

– А если переступил, – перебил я.

– А если переступил, то у тебя уже не будет возможности держать в стабильном состоянии свои сгустки энергии, и уж

конечно сил на разматывание чужих клубков. Почитай в интернете про случаи самовозгорания и тебе станет все ясно, обратного пути не будет. В древности это случалось довольно часто, сейчас мы стали умней и можем научиться определять свою грань. Но ты можешь сильно не переживать по этому поводу. Входя в удивительный мир своих возможностей, маг, такой как ты, обладает практически максимальным энергетическим потенциалом, и дальше может его поддерживать, или чуть-чуть нарастить, но не более.

– Так я что, могу наколдовать чего захочу, например, виски со стаканами, как вы.

– Вот этого как раз и не стоит делать, – резко подняв руку с растопыренными пальцами, Васильевич посмотрел на меня настороженным взглядом, – Это, пожалуй, одна из самых затратных процедур, и пока ты не научишься видеть свою грань, пробовать не стоит. Да и виски со стаканами никто не создавал, ты, скажем так, не увидел их. Ты должен понять самое главное, не стоит тратиться на то, чего можешь достичь, без затрат твоих, запомни, небезграничных сил. Например, не надо взлетать на четвертый этаж, когда можно подняться на лифте или, по крайней мере, по лестнице пешком.

– А что я и так смогу? – Глаза у меня горели, в висках стучало, в голове проносилась одна и та же мысль: «лишь бы это не сон, лишь бы это не сон»

– А предметы двигать могу? – возбужденно продолжал я, – Я, из детства, помню фильм «Чернокнижник», так там

пацан вокруг себя всякую хрень крутил, мячики, камни. Мне все время казалось, что я так могу. Об школьный пенал чуть глаза не поломал, но он, зараза, так и не сдвинулся с места. Пацаны на меня как на придурка смотрели, когда я, с завидным постоянством, по полтора часа пялился.

Васильевич допил виски и поставил стакан. Тот, словно не опустился до конца на стол, плавно поплыл в мою сторону. При этом Сергей Васильевич смотрел на меня, даже не пытаясь коситься на происходящее за столом. В пару сантиметров от моего стакана он остановился и с ели заметным звуком стал рядом с ним.

– Ух ты, – сказал я и подумал: «Как правильнее будет, устаканился или пристолчился?»

– Налей, – ткнул он на бутылку.

Я плеснул в оба и, как в детстве, уставился на его стакан, пытаясь мысленно отправить порцию виски в сторону заказчика. Ничего не происходило.

– Ну, давай, еще, еще чуть-чуть, чуть сильнее, – издевательским тоном, с паузами, говорил Васильевич – что, не получается? Ну, – протянул он, – ничего не поделаешь. Все, иди домой. Прости, мы ошиблись, но ты не переживай, твоей вины нет. Завтра проснёшься в опостылевшей гостинке и подумаешь, что коньяк был лишним, и после двух цитрамонов ничего не вспомнишь. А жаль, мне ты понравился.

Опешив от его слов, и внешней невозмутимости я начал что-то мычать и, привставая со стула, лихорадочно сообра-

жал, что мне делать дальше. Ведь только пять минут назад я понял, что был прав, когда думал: «я ни такой как все. Особенный!» А ведь я уже поверил, и знал точно, это не сон. А если это все же сон, я не смогу, не хочу и не буду возвращаться в опостылевшую реальность. Я был настолько обескуражен, что, вставая, нелепо дернул ногой и с гулким грохотом опрокинул стул, на котором сидел.

– Подождите! Я все смогу! Дайте еще попытку! – завопил я – У меня же со шкафом почти получилось. Я просто был не готов. Давайте еще раз.

Из динамика аппарата, стоявшего на столе перед Васильевичем, грохнуло ржание как минимум трех человек. Он нахмурился и громко спросил: «Алексей, ты что, конференцию у меня включил».

Практически сразу все затихли. То ли в коридоре, то ли из того же динамика, послышался звук хлопнувшей двери.

– Сергей Васильевич, я ничего не включал, – тоном нашкодившего пацана сказал Алексей, – вы сами вчера тестировали. Я же вам говорил, лучше «громкую» включать, нажал, сказал, отпустил.

– Хорошо! Как ее выключить?

– Кнопку с буквой «К» нажмите, зеленая лампочка потухнет.

Васильевич ткнул пальцем в аппарат, стоявший у него в углу стола, и что-то невнятно пробормотал, вставая из-за стола и направляясь ко мне. Я стоял в замысловатой позе, с

вытянутыми руками в сторону стаканов, как бы говоря, что все смогу, и на полусогнутых ногах, боясь их разгибанием причинить еще большие разрушения, чем падение деревянного стула. Он быстро подошел, поднял стул и, аккуратно взяв меня за плечо, заставил на него присесть.

– Прости Сережа старого дурака, – ласково начал он, – уже давно не молодой, а по людским меркам так вообще динозавр, а все пошутить тянет. Глянул, как ты пыжишься, вот и не выдержал. А эти сволочи знают мою склонность на поохомить, вот и собирают мои перлы по чуть-чуть. Скучно здесь стало в последнее время, но чувствую я, с твоим появлением веселья будет, хоть отбавляй. Да и когда они, шарлатаны да волшебники, еще смогут посмеяться над магом, не получив при этом по рогам.

Васильевич уже сидел за своим столом. Я нервно пытался понять, что это, второй шанс, или действительно, глупая шутка над моей неосведомлённостью.

– В каком смысле шарлатаны, – спросил я.

Мысли путались в моей голове. Но что я знал точно, эти ребята не могут быть шарлатанами. Да, я никогда не пробовал наркотики, да, Люська могла дать. Но, ржать я не хотел, на умняк меня не пробивало, а на более тяжелые у Люськи бабла быть не могло. Да и от куда она могла знать этих ментов, и самое главное, на хрен им я.

– Всяко не в том смысле, о чем подумал ты. Так уж сложилось с древних времен, что среди нас, по нашим возмож-

ностям, было разделение:

– Шарлатан – это начальник,

– Волшебник – это середняк,

– Маг – это как ты.

– Да, в прошлом было много шарлатанов, умеющих мало, имеющих еще меньше сил и возможности их восстановления, но амбиций хоть отбавляй. Они хотели много, а сил и умения у них не хватало. Вот многие из них и стали продавать трубы от патефона.

– Как это, – спросил я.

– А. Тебе же только двадцать пять. Был такой фильм, советский, «Начальник Чукотки», кстати наш маг, Мельников Виталий развлекался. Так там Американцы Чукчам за пушнину трубы от патефонов продавали. Приходит Чукча, музыка играет. Тот шкурки отдает, а ему трубу от патефона. Следующий в очереди Чукча подходит, а америкос другую трубу на тот-же патефон ставит, и музыка опять орет.

И даже, когда, заподозривший неладное, северянин, не услышав в своей юрте из трубы ни звука возвращался к буржую, тот с широкой Американской улыбкой ставил его трубу на свой патефон. В очередной раз убедившись, что труба работает, уже никто не возвращался с претензией к троглодиту.

А так как в древности многие представлялись своим рангом и нашим и людям, за званием шарлатан закрепилась дурная слава. Вон, Николай только недавно стал волшебником,

до этого был шарлатан, но это же не значит, что он прохвост. Хотя, конечно, до мага ему далеко.

Я сделал очередной глоток виски. Покосился на стакан Васильевича, стоявший передо мной.

– Ну и как это сделать? – спросил я.

– А ты не пытайся его толкать, так конечно тоже можно, но это гораздо сложнее. Просто ослабь силу его взаимодействия со всем что сверху и с моей стороны и остальные силы толкнут сами предмет в освободившуюся пустоту. Почти всегда легче уменьшить воздействие, чем нарастить его.

– И как это сделать?

– Прежде всего закрой глаза и осмотришь, через закрытые веки, как ты это сделал вчера в парке. Мы это называем по ту сторону. Со временем ты сможешь туда заходить, если можно так сказать, и не закрывая глаз. Но сейчас тебе нужно выключить твой Windows глюкавый, и проще всего это сделать так. Как в «Матрице», простые люди видят черный экран с бегущими зелеными цифрами, а Морфеус, Тринети, Танк, и Нео как и ты со временем, видят полноразмерную картинку. Так вот на этой картинке, если присмотреться у всех предметов, по их периметру, есть светящиеся области. Где сильней, где слабей, где шире или уже. Все зависит от силы их взаимодействия друг с другом.

– Да! Вижу! – восторженно вскрикнул я, – рассматривая кабинет через закрытые веки.

– Ну вот. А дальше Сережа как в осознанном сне. Это ко-

гда ты спишь, и тебе снится сон. И вдруг ты осознаешь, что во сне и начинаешь делать там что тебе захочется. Летать, например, или вспомнив свое кино из детства вращать вокруг себя окружающие предметы.

– Не получается. Все остается на своих местах, – нетерпеливо проговорил я.

– Не торопись. Там не совсем, так как во сне. Ты можешь, по крайней мере пока, воздействовать только на светящиеся области взаимодействия предметов. Посмотри на мой стакан и очень медленно уменьшай ширину и яркость свечения над ним и с моей стороны.

Я напрягся, хотя мысленно понимал, что не от физического напряжения зависел мой успех. Стакан медленно, сначала шурша по столу, а затем беззвучно, заскользил в сторону Васильевича. Пройдя больше половины пути, он неожиданно стукнул о стол. Мне так хотелось убедиться в реальности происходящего, что я, не выдержав и не доставив его к заказчику, открыл глаза.

– Ну вот видишь, все получилось, – дотянувшись до не доехавшей порции виски, сказал довольный учитель.

Я снова закрыл глаза. Передвинул поднос с кофейником и сахарницей на край стола, задернул занавески на одном из окон, повернулся и открыл дверь в кабинет.

– Ов ов ов, притормози, – услышал я, – не расходишь.

Я открыл глаза. Так и есть, поднос, занавески еще шатались, дверь потихоньку закрывалась. Васильевич встал из-за

стола и, огибая стол заседаний, сначала отдернул шторы на окне, а потом подошел и закрыл дверь. В голове у меня, как мне казалось из-за возбуждения, все плыло. Он подошел ко мне и протянул блестящую плоскую фляжку, которую достал из внутреннего кармана пиджака.

– На, сделай один глоток, не больше.

Я сделал глоток. Это был лимонад «Груша»: «Вот блин любители вкуса детства.» то ли подумал, то ли сказал я.

– Извини дорогой, но вкус этого напитка выбирает каждый себе сам. В основном как водку из рюмки глушат, ну иногда как коньяк, а вот чтоб «Груша», – он на секунду задумался, – насмешил.

О том, что это был не просто напиток, я понял почти мгновенно. Вдруг все стало четким, краски стали ярче. Как будто я одел те самые, желтые очки, которые продают на заправках, для водителей.

– Ну, я думаю, что тебе на пару дней хватит. Если ты не против, мы тебя поселим пока в квартиру через улицу. Нам с тобой несколько дней придется часто встречаться, да и квартира там гораздо лучше твоей гостинки, – сказал Васильевич.

– А что во фляжке было? А как мои вещи? Так послезавтра на работу, а я не успел ..., – затараторил я.

– Давай по порядку, – прервал меня Васильевич, – про сироп узнаешь позже. Все необходимые вещи есть в квартире и все они твои. Про работу можешь забыть. С сегодняш-

него дня, если захочешь, будешь работать у нас. А если не захочешь, – он строгим взглядом посмотрел на меня и резко выпалил, – нам придётся тебя убить.

«Как говорил мой старый друг, покойник, я слишком много знал» – меланхолично процитировал Васильевич фразу из какого-то фильма.

Еще через мгновение, не выдержав, он громко заржал, размахивая руками.

– Да шучу я, шучу. Ты бы видел свою рожу, «Шарапов», – успокоившись, сказал он.

Да, сегодня моя рожа пережила немало потрясений. Где-то внутри, очень слабо, закрадывалось подозрение о том, что возможно все дело в утреннем глотке сиропа, принятого от Дуба. Но мне так сильно хотелось верить в происходящее, что я сразу отмел эту мысль.

Васильевич достал из ящика стола ключи и потянул мне.

– Покушаешь, там в холодильнике все есть, отдохнешь и завтра часам к девяти приходи ко мне. Нашу дверь найдешь на той стороне, глаза закроешь и увидишь. На двери в квартиру работает верхний замок, нижний для остальных. Два придурка недавно пробовали эту квартиру грабонуть так весь замок изломали. Верхний не видят, нижний откроют и дергают ничего не понимая.

Он встал и проводил меня до двери.

– И вот еще. Чтобы по ту сторону посмотреть не обязательно глаза закрывать. Картинки, когда-нибудь, с разными

кляксами рассматривал. Ну те, что смотришь на них долго или взгляд расфокусируешь как будто смотришь сквозь нее, и видишь разные объемные предметы.

– Да. У меня таких картинок целый альбом когда-то был. Я почти все практически сразу видел, а мои знакомые по полчаса таращились, чтоб одну увидеть.

– Ну, так и здесь. Если не будет получаться закрывай глаза, но я думаю, ты скоро научишься. Это шарлатаны по полгода тренируются, а тебе будет задание на сегодня. И осторожней там, поразвлекись с передвижением предметов и взглядом и все. Не нужно экспериментировать, завтра еще много интересного узнаешь. С ребятами завтра тебя познакомлю, хотя Алексея и Николая ты уже знаешь. Дом напротив, вход со двора, квартира 13. Мальчик уже большой сам разберешься.

Он похлопал меня по спине и выпустил в коридор.

Глава 2

В главах старой истории в основном речь шла о разных теориях возникновения миров. Но одна мысль из этого раздела мне понравилась. Древние «географы» по незнанию приняли ее за модель мира, не понимая аллегорий и аналогий, используемых в ней, решили, что древние маги описали землю, где мы живем. Это была всем известная история про плоский мир, стоящий на трех китах, или как ошибались

азиаты на четырех слонах, а те на панцире черепахи, плывущей в безбрежном океане. Только маги, таким образом, в старину описывали не землю, они копали гораздо глубже и посвящать в эти знания обычных людей, как малых детей, не было никакого смысла.

Весь мир, вернее миры доступные нашему восприятию, состоит из слоев. В каждом слое живут свои ребята. В принципе если брать физику, химию и биологию они практически схожи друг с другом, но отличия все же есть. Эти слои, как в пироге, местами слипаются, продавив проложенный между ними крем. И в этих местах находятся переходы из одного слоя в другой.

У нас есть три таких перехода. Один в районе Подкаменной тунгуски, вернее был, другой в Казахстане около поселка Аулиеагаш и третий в северной Америке близ города Висейлия в Калифорнии. Все переходы жестко связаны с окружающей флорой, а если точнее с деревьями. Под Тунгуской лиственница, в Казахстане карагач, а в Америке секвойя. Эти деревья как мицелий просачиваются из других слоев. Наш же, местный мицелий, был дуб. Многие маги древности считали, что это четвертый переход и ставили его в районе Додона в Греции и изображали на карте в виде четвертого слона. Главным козырем у них был источник, бывший из-под семи карагачей с одним корнем в Аулиеагаш, из-под векового дуба в Греции, Подкаменная тунгуска и родники близ города Висейлия. Но они ошибались, переходов было три. А

вот ребята, умеющие питаться от дубов как грибы, растущие на мешках с мицелием, были истинными и полноправными хозяевами слоя под названием земля.

Я пролистал до главы «Новейшая история». Там шла речь о событиях последнего столетия. Самым сильным из гостей примыкающих слоев, впрочем, и самым лояльным и доброжелательным был Лиственница. У них, как и у нас и Карагачей, была спокойная и размеренная жизнь. Всем всего хватало, как в пределах своего слоя, так и в пределах их присутствия у нас. Если кто понимает, речь идет не тупо о жратве и туалетной бумаге.

– Интересная концепция, – подумал я не став читать дальше брошюру, взятую на журнальном столике в зале своей ново квартиры.

Когда Васильевич проводил меня из своего кабинета, я сразу направился к выходу. Вернее сказать, в сторону предполагаемой двери. Идя по коридору в направлении глухого тупика, я на мгновение закрыл глаза и увидел знакомую дверь с латунной ручкой.

Дверь в квартиру я нашел довольно быстро. Замочная скважина на ней была только одна. Вдохновленный недавней беседой я не стал закрывать глаза и посмотрел на дверь потерянным взглядом. Все получилось, над прежней замочной скважиной проявилось еще одно отверстие для ключа.

Войдя в коридор, я хлопнул дверью и провернул язычок замочного фиксатора. Квартира, по моим меркам, была ши-

карная. Широкий коридор с двумя дверями справа вел в довольно большой зал. За дверями в коридоре, как и следовало ожидать, был туалет и ванна. Зал имел неправильную форму с небольшим аппендицитом по правую сторону, в нем, за барной стойкой располагалась кухня. У входа в зал, по левой стороне, было еще две двери. Одна спальная комната побольше, с платяным шкафом, широкой тумбочкой и плоским телевизором напротив кровати, другая поменьше с кроватью и парой тумбочек. В зале стоял большой кожаный диван, два кресла, журнальный столик и огромная «плазма» у стены напротив дивана.

Положив брошюру на барную стойку, я открыл холодильник. Ассортимент был богатый и судя по срокам годности на молочной продукции его пополнили недавно. Доставая пачку пельменей из морозилки, я перебрал несколько брикетов замороженного мяса и подумал: «а кто интересно его будет готовить, может в маленькой спальне лежит кухарка? Молоденькая, в короткой черной юбочке с белыми кружевами по краю и на сексуальной блузочке. Лежит, изнывает от безделья, а я дурак, забыл туда глянуть сквозь закрытые глаза».

По-идиотски хихикая поставил воду для пельменей на плиту и подошел к зазвонившему на диване радиотелефону.

– Да, – ответил я.

– Ну что, обживаешься, – спросил Сергей Васильевич.

– Да все хорошо, пельмени готовлю, в себя прихожу.

– Все в квартире новое и твое, начиная от зубной щетки и

заканчивая одеждой в шкафу. Ты там располагайся как у себя дома, это и есть твой новый дом. На трубке, возле кнопок быстрого набора указан мой сотовый и стационарный. Звони когда захочешь, и перепиши себе на мобильник.

– А что за книжка на столе, она о чем?

– Да да возьми полистай, это как методичка для новичков. Тебе будет полезно, а что непонятно завтра разьясню. Да, еще, на бар сильно не нажимай, ты мне завтра свежий нужен. Ну все, пока.

– До свиданья, – сказал я в телефон уже издающий короткие гудки.

Посмотрев в кухонное окно, я с удивлением обнаружил, что вижу дверь в кантору, которая стояла через дорогу напротив моих окон, без всяких извращений с глазами. Для проверки моего предположения подошел к входной двери. С внутренней стороны верхнего замка не видно. Открыл дверь, здесь вторая замочная скважина на месте. Закрыл дверь: «Ага как в игрушках с тайниками, все найденное остается в поле зрения игрока,» – подумал я, взглянул на дверь с внутренней стороны так, как надо и закрыл ключом на верхний замок, не доверяя защелке нижнего.

– Тааак а где тут бар, и как это мы его не заметили, – засыпая пельмени в закипевшую воду заговорщицким тоном произнес я.

Решив открыть все тайники квартиры, я прошелся по ней под нужным взглядом. В маленькой комнате, на кровати, ку-

харки не оказалось, а жаль. В моей спальне на широкой тумбочке нашелся ноутбук. В зале сплит на стене и балконная дверь за шторкой, хотя на все это я просто мог не обратить внимание и не извращаться с их поиском. Бара не нашел. Расслабился и пошел насыпать пельмени, зовущие меня пошедшим ароматом из кухни. Набрав пельменей в тарелку, заметил с внутренней стороны барной стойки две двери. Вот блин. Здесь было все, цветастые бутылки с иностранными словами, бокалы, рюмки и стаканы.

Будучи и так довольно сильно опьянен сегодняшними событиями я из бара ничего не взял. Открыл большую банку сметаны и уселся за стойку. Отодвинул вилку подальше и начал тарашиться на нее расфокусированным взглядом. Она потихоньку поползла ко мне, сначала задевая столешницу затем бесшумно. Добравшись до моей руки, вилка поднялась чуть выше и, задрав зубчики немного выше держала, начала потихоньку вращаться вдоль вертикальной оси. Опустив ее на стол, я посмотрел на пельмени и банку со сметаной.

Вспомнился старый фильм «Вечера на хуторе близ Диканьки», Пацюка и вареники, которые сами прыгали в сметану, а затем ему в рот.

– Так может он из наших, маг, – промелькнуло в голове, – ага, и фильм снимали без спецэффектов, с первого дубля, – ухмыльнулся я.

Первый пельмень довольно резко подскочил до уровня глаз, оторвавшись от прилипчивых собратьев. Аккуратно

опустился на сметану, она была довольно густой, и пельмень лежал сверху. Немного усилий и его вдавило наполовину, еще, и он резко прокрутился, выплеснув немного сметаны, и чуть не опрокинул банку.

– Так не пойдет, – сказал я вслух, резко вставая с высокого барного стула.

Быстро снял и бросил на диван рубашку и штаны. Достал глубокую тарелку из сушильного шкафчика над мойкой и вывалил в нее сметану с ретивым пельменем из банки. Нетерпеливо уселся обратно за стол.

– Так, на чем мы там остановились?

Пельмень сделал еще несколько оборотов и тихонько поднялся вверх. Я широко открыл рот и напрягся, прокладывая траекторию движения. НЛЮ нерешительно покачался в воздухе, после чего смачно шлепнул меня по лицу в районе переносицы, упал на стол и застыл. Я, обиженно моргая, потянулся к рулону бумажных полотенец, стоявших на стойке у стены.

– Хорошо шо я взяв сиру кобылу, – промелькнула в голове давно забытая фраза, которая подтверждала правильность выбора моего гардероба для этого застолья.

Вытерев лицо, я кинул рукой пельмень в рот и прожевал. Достал из бара какой-то неизвестный мне виски, налил в стакан.

– Поправим прицел, – сказал я и сделал пару глотков.

Со вторым пельменем было уже лучше. Я не стал закиды-

вать его в рот, а просто довел к лицу и сам дотянулся до него губами. Последние несколько штук очень лихо проделывали путь до сметаны, резво делая в ней несколько кульбитов, в результате чего стол был весь забрызган, и практически безошибочно попадали мне в рот.

Закончив трапезу, я посмотрел на свой живот и трусы, изрядно заляпанные сметаной, и подумал: «Надеюсь в шкафу помимо одежды есть ящики с бельем.»

Приняв душ и еще немного виски, я стал наводить порядок на кухне. Быстро сообразив, что проще двигать тряпку руками, а не вновь приобретенными способностями, закончил с уборкой, взял методичку и пошел в кровать.

Мысли роились в голове. Вот она новая жизнь. А в понедельник надо ли идти на работу и написать заявление, а за чем, и так уволят за прогулы. Хотя конечно хочется сказать начальнику все, что о нем думаешь. Как, наверное, любому кого достал начальник бездарь и от кого ты, великий гений, непонятно кому нужной работы, уже не зависишь. Ведь сказать просто спасибо и до свидания не получится.

Странное дело, хотелось рассказать друзьям и подругам о новом себе. Но на поверку выходит так, что у меня нет, ни тех, ни других. Еще с детдома я привык, что меня никто не замечает. Все дети там делились на группировки. По разным интересам и признакам, и не только возрастным. Я же мог быть в любой из этих группировок одновременно, и не был ни в одной из них. Меня просто не замечали. Если бьем ко-

го-то я прохожу как дополнительная единица победителей, которую никто не знает, но все уверены, что она с ними. Если бьют нас, то побеждающие смотрят на меня как на стороннего прохожего и не трогают, а свои не ждут от меня решающих действий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.